

"Моя политика - музыка"

С главным дирижером театра "Эстония", председателем Эстонского национального фонда культуры Эри КЛАСОМ беседует наш обозреватель Элла АГРАНОВСКАЯ.

- В нашу жизнь сейчас довольно бесцеремонно вторгается политика, хотим мы этого или не хотим. Насколько вы как художник ощущаете ее воздействие?

- Вы знаете, я всегда подчеркиваю, что стараюсь не быть причастным ни к каким политическим течениям, партиям и движениям. Думаю, что самая здравая политика, какую я могу проводить, это делать свою работу как можно лучше. Полагаю, сие касается не только меня, потому что у нас развелось очень уж много самостоятельных политиков, что весьма напоминает лозунг, который выкрикнула когда-то бывший министр культуры Фурцева: "Самодетельность - на уровне профессионализма!". Конечно, я мог бы попытаться на что-то повлиять, и, быть может, ко мне бы даже прислушались, но мне кажется, что политика - это тоже профессия, и заниматься ею должны профессионалы, тонко разбирающиеся в этой области. Поэтому лично я стараюсь делать музыку, отлично понимая, что если я буду делать ее на высочайшем уровне, это тоже будет политика. И вот такая политика мне нравится. Если

удается спектакль, или концерт, или гастроль, можно считать, что я не напрасно вкладываю свои силы в то, во имя чего работаю и существую.

- Можно ли в таком случае заключить, что даже в наше сложное и смутное время художник может прожить вне политики?

- Видите ли, сейчас многие люди, в том числе и деятели искусства, предъявляют друг другу претензии: дескать, вот ты сначала был в одной партии, потом в другой, потом создал совсем новую партию. Но лично я никогда ни в какой партии вообще не был, хотя меня туда и приглашали, и заставляли, и даже угрожали, что в противном случае я не смогу работать на руководящей должности главного дирижера. Но ведь это не я хотел быть на руководящей должности. Я был доволен тем, что могу делать музыку и помогать ее делать другим. А заниматься ради музыки политической деятельностью и использовать политику во имя карьеры - это уже не творчество, а нечто иное.

- Вы заметили, насколько шокирующее впечатление произвели на депутатов парламента некото-

рые ваши мысли, высказанные в момент утверждения на должность председателя Эстонского национального фонда культуры?

- Но, вспомните, вопросы, заданные там, были разные. И я отвечал так, как был поставлен вопрос. Когда меня спросили, как же это в эпоху возрождающейся демократии я решаюсь претендовать на этот пост один, я ответил, что не мне надо беспокоиться о второй кандидатуре, а наоборот, тем политикам, которых это волнует, стоит поискать альтернативу. Ну, а если они занимаются другим, то это лишь указывает на весьма зачаточное состояние нашей демократии. Был еще вопрос: не кажется ли мне, что Верховный Совет, состоящий из представителей разных движений и партий, подобен оркестру, состоящему из разных инструментов. И я ответил, что в жизни еще таким оркестром не руководил, ибо, в первых, Верховный Совет не имеет гармонии, а мелодия тоже еще не найдена. Но если нет ни гармонии, ни мелодии, вряд ли можно рассчитывать на результат. Кроме того, добавил я, меня больше всего смущает то,

что темп работы Верховного Совета соответствует одному такту в день, с таким темпом не то что до концерта никогда не доберемся - репетицию не кончим.

- Неожиданное всего прозвучали добрые слова о русской культуре, про которую никто и говорить, и вспоминать не хочет.

- Но я на самом деле считаю, что русская культура - одна из самых важнейших культур мира, и вряд ли эстонская культура поднялась бы без нее на свой нынешний уровень. И не только культура, но и наука. Ведь эстонская интеллигенция испокон веку получает образование в Петербурге, в Москве. Да и я сам, и мои коллеги-дирижеры - мы ведь все окончили Ленинградскую консерваторию. И, по моему, это самая лучшая школа дирижерского мастерства. Я даже не очень понимаю сегодняшнее стремление обязательно обучаться на Западе. Конечно, на Западе с продвинутой и покоем лучше, но что касается уровня музыкального образования, то здесь все-таки уместнее посмотреть в сторону Москвы и Петербурга. Я знаю многих студентов из Америки и Скандинавских

стран, которые стремятся попасть именно туда. В наше сложное время, я думаю, единственным выдерживающим конкуренцию продуктом экспорта и из Эстонии, и из СНГ является культура. Мне кажется, потому, что формировалась она в жесточайших условиях преодоления. И ведь лучшие идеи принесли не политики, а художники - писатели, кинематографисты, живописцы, музыканты, режиссеры. А что касается процесса демократизации общества, то Эстония, например, здесь обязана именно своей интеллигенции, если вспомнить объединенный пленум творческих союзов.

- Жаль только, что на всех крутых переломах очень быстро забывается, кто кому и чем обязан. Например, чем обязано государство своей интеллигенции. Или чем одна культура обязана другой. И все-таки, как вы думаете, мы успеем пережить этот сложный период агрессивного неприятия и отрицания всего русского, включая и русскую культуру, или на нашем веку эта тенденция не найдет своего конца?

- Я не пророк. И мне трудно строить прогнозы. Но мне

кажется, что уважение друг друга - единственный путь не только к мирному сосуществованию, но и к какому бы то ни было прогрессу. А ненависть, отрицание, перечеркивание вряд ли ему будут способствовать. Мы сейчас очень быстро перепрыгиваем из одной системы в другую, и, конечно, это сопряжено с большими потерями. Общество в одночасье переделать невозможно, как, впрочем, и человека: если кто-то, надев костюм и галстук, захочет вдруг стать интеллигентным, интеллигентом он от этого не станет, ибо ему предстоит большая работа духа и разума. Так и с обществом: я думаю, это будет длиться долго. Думаю, что минимум одно поколение должно сформироваться. И вряд ли наши дети, скорее наши внуки, может быть, будут думать по-другому. Знаете, мне кажется, что очень большую роль здесь будет играть материальное положение людей, ибо бедные и голодные вряд ли могут думать, как богатые и сытые. И то, что раньше презиралось - например, было ведь плохо, если кто-то много зарабатывал или хорошо жил, - сейчас оценивается совсем иначе. Но, с другой стороны, сегодня очень много беззакония, которое позволяет "нечистым" играть в "чистые" и зарабатывать за счет и так беднеющего народа. Я думаю, что в этом кроется какое-то объяснение тому, что в западных странах кандидатами в президенты могут быть только богатые люди, ибо их так легко нельзя купить. А у нас, к сожалению, людей, которые продают, скоро будет больше, чем тех, которые производят. И я очень боюсь, как бы Эстония не стала чем-то вроде "посреднической фирмы", ведь все-таки это была страна, которая умела что-то производить. Вот это очень серьезный и сложный процесс, который я, к сожалению, наблюдаю.

- Да, так оно и есть. - Деньги предпринимателей действительно могут помочь развитию эстонской культуры?

- Этот фонд создан при Верховном Совете для того, чтобы спасти культуру, ибо культура всегда была и будет держаться на субсидиях, она не может сама себя прокормить. Но в связи с огромной инфляцией наша комиссия решила давать премии не раз в год, как это принято, а чаще. Ведь те деньги, которые у нас были полгода назад, за это время сильно обесценились. Поэтому ждать времени нет. Откуда вообще в фонде средства? Частично из государственного бюджета, но их, конечно, мало. Поэтому важно, чтобы еще кто-то их перечислял, допустим, заводы, предприятия, другие фонды, частные лица - все, у кого есть желание помочь культуре. В том числе и предприниматели. Мы ведь не делим культуру на русскоязычную и эстоноязычную. Взять хотя бы театр "Эстония" - здесь идут и оперные спектакли, и балетные, и оперетты. Ну, балет вообще не связан с языком. Но вот сегодня вечером идет спектакль "Хованщина" - опера исполняется на русском языке. И мы ее везем в Западную Германию: на Дни культуры Эстонии. С русскими операми мы побывали во многих странах. К примеру, опера "Борис Годунов" была поставлена впервые в оригинале на территории бывшего Советского Союза именно в Эстонии. И специально для нас в этой версии выучил ее бас Большого театра Евгений Нестеренко, с которым мы вместе гастролировали в Париже. И тот же Нестеренко на горжествах, посвященных столетию Марта Саара, пел его романсы на эстонском языке. Подлинно культурный человек не может не уважать культуру другого народа. Но есть люди, которые используют культуру во имя чего-то другого - и вот это пахнет

перечислили в Эстонский национальный фонд культуры, который вы возглавляете, три миллиона рублей.

- Да, так оно и есть. - Деньги предпринимателей действительно могут помочь развитию эстонской культуры?

- Этот фонд создан при Верховном Совете для того, чтобы спасти культуру, ибо культура всегда была и будет держаться на субсидиях, она не может сама себя прокормить. Но в связи с огромной инфляцией наша комиссия решила давать премии не раз в год, как это принято, а чаще. Ведь те деньги, которые у нас были полгода назад, за это время сильно обесценились. Поэтому ждать времени нет. Откуда вообще в фонде средства? Частично из государственного бюджета, но их, конечно, мало. Поэтому важно, чтобы еще кто-то их перечислял, допустим, заводы, предприятия, другие фонды, частные лица - все, у кого есть желание помочь культуре. В том числе и предприниматели. Мы ведь не делим культуру на русскоязычную и эстоноязычную. Взять хотя бы театр "Эстония" - здесь идут и оперные спектакли, и балетные, и оперетты. Ну, балет вообще не связан с языком. Но вот сегодня вечером идет спектакль "Хованщина" - опера исполняется на русском языке. И мы ее везем в Западную Германию: на Дни культуры Эстонии. С русскими операми мы побывали во многих странах. К примеру, опера "Борис Годунов" была поставлена впервые в оригинале на территории бывшего Советского Союза именно в Эстонии. И специально для нас в этой версии выучил ее бас Большого театра Евгений Нестеренко, с которым мы вместе гастролировали в Париже. И тот же Нестеренко на горжествах, посвященных столетию Марта Саара, пел его романсы на эстонском языке. Подлинно культурный человек не может не уважать культуру другого народа. Но есть люди, которые используют культуру во имя чего-то другого - и вот это пахнет

дурно. А что касается материальной поддержки, то торговый дом "Конэстон", слава Богу, не единственный, кто нам помог. Помогают предприятия, помогают частные лица. В мае мы организуем концерт в Хельсинки, в котором будет участвовать оркестр театра "Эстония", певица Лейли Таммель и молодой тенор Велло Юрна, который благодаря субсидии финской фирмы "Репол" мог два года совершенствоваться в Италии. Серьезную финансовую поддержку оказывает нам большая финская газета "Илталехти" - и вся прибыль от концерта пойдет на счет Эстонского национального фонда культуры.

- Скажите, maestro, лично вы идентифицируете себя с какой-то определенной национальной культурой или же считаете, что истинно творческий человек может принадлежать культуре мировой?

- Видите ли, Эстония - моя родина. И вне своей родины я не могу быть. Я здесь родился, вырос. Видя ее усложняющееся положение на протяжении всей своей жизни и особенно сейчас, я не мог бы просто так бросить эту страну и поехать куда-то работать, ибо чувствую в себе достаточно амбиции быть выше всего. Я действительно очень связан с Эстонией и стараюсь, чтобы ее культура стала достоянием всей мировой культуры. И всегда на гастролях стараюсь играть эстонскую музыку, которая неизвестна во многих странах, и не везде даже знают, что есть такое государство. Классическую музыку я дирижирую так или иначе, без нее просто нет дирижера, но на моем чмодане - знак Эстонской Республики, и через музыку я могу быть посланником этой страны. Мне для этого не нужно произносить политические речи на площади или публиковать высказывания в газете - достаточно дирижерского пульты. Если бы только болтал с переменным успехом о политике, вряд ли бы много добра принес.

Элла Аграновская. - Таммелин - 1992 - 27 марта.

